

О. А. ПРОКОПОВА

УДК 94 (470) «1863/1912»

В. Я. БРЮСОВ О П. И. БАРТЕНЕВЕ: ОБРАЗИСТОРИКА-АРХЕОГРАФА ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ

На материале мемуарно-биографического очерка В. Я. Брюсова «Обломок старых поколений» (1912) рассматривается отношение известного поэта и литературоведа к фигуре историка-археографа, издателя журнала «Русский архив» и отражение его образа в данной работе, которая положила начало изучению творческого наследия и деятельности П. И. Бартењева.

Ключевые слова: В. Я. Брюсов, П. И. Бартењев, «Русский архив», образ, интерпретация, историк-археограф.

На матеріалі мемуарно-біографічного нарису В. Я. Брюсова «Обломок старых поколений» (1912) розглядається ставлення відомого поета і літературознавця до постаті історика-археографа, видавця журналу «Русский архив» і відображення його образу в згаданій праці, яка поклала початок вивченню творчого спадщини і діяльності П. І. Бартењева.

Ключові слова: В. Я. Брюсов, П. І. Бартењев, «Русский архив», образ, інтерпретація, історик-археограф.

On the memoirs of biographical sketch V. Bryusov «Chip of the old generations» (1912) there is considered the ratio of a poet and literary historian to figure archeographers, publisher of the magazine «Russian Archive» and the reflection of his image in the article that initiated the study of creativity heritage and activities of P. Bartenev.

Key words: B. Briusov, P. Bartenev, «Russian Archive», image, interpretation, historian-archaeographer.

Для написания данной статьи нами использованы мемуарные источники, среди которых главное место занимает работа В.Я.Брюсова, впервые изданная в 1912 году в журнале «Русская мысль» (№12) под названием «Обломок старых поколений», в которой поэт изложил свои воспоминания и впечатления о П. И. Бартењеве, - как о его научно-издательской деятельности, так и о самой его личности и повседневной жизни. Этот очерк Брюсова имеет ключевое значение для изучения жизненного пути и творческого наследия последнего, поскольку в нем содержится всеобъемлющая

характеристика издателя «Русского архива». Любой исследователь, который занимается данной проблематикой, так или иначе обращается к этой работе.

Также определенную информацию личностного характера относительно сюжета «Бартењев — Брюсов» содержат воспоминания внучки П. И. Бартењева Наталии Яшвили «Мой дедушка Петр Иванович Бартењев», опубликованные в 1967 г. в историко-биографическом альманахе «Прометей».

Что касается соответствующей проблемно-историографической традиции,

то следует упомянуть монографию А. Д. Зайцева «Петр Иванович Бартенев» (М., 1989) - обобщающее исследование жизни и творческой деятельности П. И. Бартенева, а также уникальную по своей оригинальности биографическую книгу Н. С. Ашукина и Р. Л. Щербакова «Брюсов» (М., 2006) в серии «Жизнь замечательных людей», которая представляет собой фундаментальный свод нарративных и документальных источников о В. Я. Брюсове.

Петр Иванович Бартенев (1829 - 1912) - историк, архивист и археолог, издатель и переводчик — вот далеко не полный перечень тех областей научной деятельности, в которых проявил себя этот человек. Но в первую очередь имя Бартенева связано с издававшимся им журналом «Русский архив». Слова «Бартенев» и «Русский архив» стали синонимами для современников.

Первый специальный исторический журнал России «Русский архив», выходивший с 1863 до 1917 года (и соответственно издававшийся до 1912 года самим Бартеневым), опубликовал на своих страницах огромное количество исторических и литературных материалов.

Благодаря своей энергичной собирательской и широко поставленной издательской деятельности, Бартенев являлся в XIX веке своеобразным научно-организационным «центром» по изучению истории России. В его журнале постоянно публиковались дневники, мемуары, письма, записки выдающихся деятелей прошлого, исторические и биографические очерки, впервые обнаруженные рукописи художественных произведений русской словесности. Поразителен своей многочисленностью и разнообразием круг его знакомств. Достаточно сказать, что в настоящее время в фонде Бартенева, который находится в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), хранятся письма к нему от более чем 2000 корреспондентов. Здесь и государственные деятели разных рангов, и

представители науки, искусства и литературы, и журналисты, и общественно-политические деятели различных направлений — все, так или иначе заинтересованные в публикации историко-литературных материалов.

В 1898 г. П. И. Бартенев знакомится с Валерием Яковлевичем Брюсовым (1873 - 1924). «Русский архив» стал первым журналом, открывшим свои страницы для поэта — «декадента». В. Я. Брюсов стремился эпатировать тогдашнюю литературную общественность и ниспровергать устоявшиеся литературные вкусы и представления (однострочное стихотворения Брюсова «О, закрой свои бледные ноги» в 3-м сборнике «Русских символистов» принесло автору всероссийскую скандальную известность). Все это было для Брюсова сознательно избранной позицией, формой борьбы за утверждение новых эстетических принципов. Осенью 1898 г. молодой поэт написал небольшую статью о Тютчеве. В то время полного собрания стихотворений Тютчева еще не было, и ценители его поэзии вынуждены были производить библиографические раскопки, рыться в старых журналах и альманахах. Целью своей статьи Брюсов ставил «помочь полноте будущего собрания сочинений Тютчева и правильности чтения его стихов» [1, с. 140]. Статья стала результатом кропотливых библиографических разысканий; в ее основу были положены находки тютчевских стихов, помещенные в старых, забытых изданиях, но не перепечатанные ни в одном из собраний его сочинений.

Но где мог напечатать ее в 1898 году всеми освидетельствованный «декадент» Брюсов? Солидный либерально-западнический «Вестник Европы» (где статья могла бы пройти) был закрыт для него, в народническом «Русском богатстве» Брюсова в лучшем случае называли «шутником» [1, с. 140]. Да и вообще до этого момента Брюсов (если не считать

нескольких попыток гимназических лет) ни со своими стихами, ни со статьями ни в какие редакции не обращался: все равно не напечатали бы. И вот «декадент» Брюсов решает отнести свою статью о Тютчеве в редакцию исторического журнала «Русский Архив», издателем которого был Петр Иванович Бартенев. В своем дневнике (запись от 12 сентября 1898 г.) Брюсов писал: «Был в «Русском Архиве», относил свою статью о Тютчеве. Видел там П. Бартевева, древнего старца в креслах, а около костыли. Мило беседовали с ним о русском языке, а он все вспоминал Аксакова и Киреевского» [1, с. 140].

Летом 1900 г., по совету Бартевева, Брюсов с женой поехали в Катериненталь, дачную местность под Ревелем (нынешний Таллин, столица Эстонии), где обычно проводил свой летний отдых и Петр Иванович. В брюсовском дневнике было отмечено: «Жили мы в Ревеле два месяца (июнь-июль 1900 г.). Наконец, в начале июля приехал П. Бартевев, а с ним и его дочь, Татьяна Петровна. За этот месяц я впервые узнал Петра Ивановича в частной жизни. Он не только рассказывал бесконечные рассказы из запаса своей памяти, не только произносил целые страницы наизусть из Пушкина, Тютчева, Жуковского, Батюшкова, Державина, но и выказал себя необыкновенно общительным. Он умел заговорить с каждым встречным и при том так, что те разбалтывали ему самые сокровенные свои тайны» [1, с. 141].

В августе 1900 года Брюсов, по настоянию Петра Ивановича Бартевева, принял на себя секретарство в редакции «Русского Архива». По мнению внучки Бартевева Н. Яшвили, тот факт, что издатель, любивший все в своем журнале делать сам, не доверявший никому даже чтение корректур, предложил Брюсову разделить с ним его труды, показывает степень дружественного доверия Петра Ивановича к Брюсову, в котором он хотел видеть своего ученика [5, с. 293].

В документально-биографическом сборнике «Брюсов» (М., 2006) Н. С. Ашукин и Р. Л. Щербаков приводят условия, на которых В. Я. Брюсов вступил в должность секретаря редакции: «Я, нижеподписавшийся, согласен и рад вступить на службу в редакцию ежемесячного издания «Русский Архив» к Петру Ивановичу Бартевеву на следующих условиях:

1. Я буду посвящать «Русскому Архиву» не менее четырех часов в сутки, исключая дни неприсутственные.

2. Обычным временем моих занятий будет считаться пора от 4 1/2 до 8 1/2 часов пополудни, обычным местом — помещение редакции «Русского Архива». Но, по желанию Петра Ивановича или с его согласия, в отдельные дни время и место могут быть изменяемы.

3. Занятия мои может составлять все, имеющее отношение к изданию «Русского Архива», как то: чтение правочных листов, писание деловых писем, сношения с книгопродавцами и печатнями и т. п.

4. Вполне достаточным вознаграждением за эту скорее приятную, чем обременительную работу считаю я пятьдесят рублей в месяц» [1, с. 143].

В. Я. Брюсову, бывшему на сорок лет моложе Бартевева, довелось сблизиться с редактором «Русского архива» и три года занимать должность ответственного секретаря редакции журнала. Его поражала своеобразная личность «Нестора российской журналистики». Бартевев влиял на взгляды, вкусы, литературные пристрастия Брюсова. Он внушал ему мысль написать роман о декабристах, над которым Брюсов начал работать, стимулировал интерес к историко-литературным источникам. «Старый трудолюбец, надев очки, клоня при свете керосинной лампы лысую голову, бодрствует за всех, вникая в чьи-то старые письма или какие-то мемуары прошлого века и на полях корректуры немного дрожащим, но ровным почерком приписывает свои маленькие примечания, те лукавые строки, помеченные

Бартеневым, которые в форме едва уловимого намека скрываются целые откровения для истории нашей страны... Готовится новая книжка «Русского архива», новый венчик в той несокрушимой башне, которую медленно, неуклонно воздвигал Петр Бартенев» - вспоминал В. Я. Брюсов [4, с. 143].

При громадной разнице лет, и при различии тех кругов общества, в которых проходила жизнь Бартенева и Брюсова, последний, разумеется, не мог быть знаком с Петром Ивановичем сколько-нибудь «интимно». Но в течение четырех лет (1899—1902 гг.) он был его помощником по изданию «Русского Архива», «секретарем редакции», а редакция «Архива» почти сливалась с семьей Бартенева. Волей-неволей многое из личной жизни Бартенева проходило перед глазами поэта. Покинув работу в редакции «Архива», он продолжал посещать Бартенева, был знаком с его сыновьями.

В 1912 г. Брюсов писал в своем биографическом очерке: «Быть может, замечательно, что Эйфелева башня «Русского архива» воздвигнута почти целиком трудом одного человека. Все, что написано в «Русском Архиве» посторонними сотрудниками, ничтожно; никогданекакого «редакционного комитета» при журнале не существовало; если иногда лица, стоявшие особенно близко к журналу (например, сын П. И. Бартенева — Юрий Петрович Бартенев), и пытались поделить труд с издателем и составителем Архива, их намерения разбивались о непреклонную волю, вернее сказать, о неодолимую потребность Бартенева — все делать самому. Он сам собирал материал для журнала, сам подготавливал его к печати, редактировал, снабжал примечаниями, сам писал заметки и рецензии, сам корректировал каждую книжку, читая и «гранки» и «сверстанные листы» по два, по три, по четыре раза. В течение пятидесяти лет не было ни одной книжки Русского Архива, которая не была бы составлена, проредактирована и прокорректирована

П.И. Бартеневым. Даже последняя, 12-ая, книга пятидесятого года, которая должна была выйти уже после смерти Бартенева, почти полностью была им подготовлена к печати» [2, с. 109].

Брюсов отмечает, что Бартенев, хорошо понимая «все сложности восприятия для читателей, «мало знакомых с общим ходом событий», пестрой мозаичности документов «Русского архива», видел выход в том, чтобы наряду с отдельными, разрозненными документами публиковать в журнале развернутые статьи, охватывающие большой отрезок времени и предваряющие целый ряд опубликованных далее документов» [2, с. 116].

Кроме традиционных сведений о документе, помещаемых в предисловии или примечании к публикации, Бартенев сообщал и дополнительные, нередко выходившие за рамки обычных археографических примечаний. По сообщению В. Я. Брюсова, «очень часто Бартенев пользовался формой примечаний к печатаемому тексту, чтобы намекнуть на то, что в то время было известно еще очень немногим. Эти коротенькие, иногда в две-три строки примечания, подписанные буквами «П. Б.», всегда составляли лучшее украшение «Русского архива». В сжатых, но точных выражениях Бартенев разъяснял в них запутанные вопросы истории, указывал на почти неизвестные факты, намекал на события, еще не преданные гласности» [2, с. 117].

П. И. Бартенев обладал феноменальной памятью, в значительной мере сохраненной им до конца дней, которая удивляла Брюсова: «Он умел все вновь обнаруженное тотчас связать с уже известным, поставить в своем сознании на место и прочно присоединить к запасу своих знаний... Ему достаточно было одного сухого документа, чтобы ясно представить всю сцену, и не раз случалось, что позднейшие открытия оправдывали его «угадывание». То была именно «интуиция историка» [1, с. 113].

В. Я. Брюсов следующим образом характеризует ту колоссальную работу, которую проделал П. И. Бартенев за многие десятилетия руководства журналом: «На своем веку он прочел десятки тысяч писем и тысячи мемуаров, относящихся к XVIII и началу XIX века, и все самые интересные, самые запутанные отношения людей тех эпох были для него совершенно ясны. Он знал много секретных и семейных, можно сказать — государственных тайн, говорить о которых в печати было еще неуместно» [2, с. 116].

«В свой «Архив», - рассказывает В. Я. Брюсов, - из года в год, как трудолюбивый муравей, он тащил все новое и новые материалы по русской истории и истории русской литературы, и многое, очень многое из того, что теперь вошло во всеобщий обиход, впервые появилось на страницах его издания. Бартеневу верили, ему несли ценные семейные архивы... и трудно назвать ту эпоху русской истории за два века, исследователь который не был бы принужден обращаться к «Русскому архиву», как к первоисточнику» [2, с. 112].

Для XX века с его новыми, во многом непонятными для Бартенева устремлениями он казался старомодным «обломком старых поколений». В. Я. Брюсов очень точно подметил это, когда писал в своих воспоминаниях: «В нашу эпоху Бартенев пришел как бы из другого мира... Многие из того, что волновало и мучило нас, для него прошло совершенно незамеченным, мимо. Конечно, он никогда не читал Ницше; Вагнера он знал только по исполнению на рояле своего сына, прекрасного пианиста С. П. Бартенева, и любил, говоря о музыке Вагнера, употреблять выражения самые резкие. Русская литература остановилась для Бартенева на Тургенева (которого, кстати сказать, он терпеть не мог). Чехова Бартенев, кажется, не читал вовсе. Горького попытался было читать, но тщетно старался себя уверить, что ему что-то в Горьком нравится» [2, с. 111].

Что касается самого Брюсова, то работа в журнале способствовала усилению библиофильских склонностей поэта, развитию у него публикаторских, редакторских, комментаторских навыков. Благодаря школе, которую он прошел у Бартенева, работая ответственным секретарем «Русского архива», Брюсов состоялся как крупный ученый-гуманитарий и прежде всего литературовед (пушкинист и историк позднеримской литературы).

По наблюдению А. Д. Зайцева, при всей обширности круга знакомых Бартенева, воспоминания о нем были написаны людьми значительно моложе его, представителями не девятнадцатого, а двадцатого века — такими как В. Я. Брюсов [3, с. 57]. П. И. Бартенев и В. Я. Брюсов являлись носителями двух разных субкультур: субкультуры ученого-археографа и историка «старого» поколения с одной стороны и молодого литератора-модерниста («декадента») — с другой. Вероятно, именно в этом состоит объяснение столь активного интереса поэта к личности издателя «Русского архива» — именно для Брюсова и его сверстников Бартенев был своего рода живым преданием, остатком «старины далекой», вызывавшим естественный «историко-этнографический» интерес и желание описать свои впечатления в виде воспоминаний о встречах и беседах с ним.

В завершение нашей статьи приведем еще одну выразительную цитату из брюсовских воспоминаний: «В нашу эпоху Бартенев пришел как бы из другого мира. Он пережил расцвет и падение славянофильства, пережил буйное движение 60-х и 70-х годов, пережил все царствование Александра III и в те годы, когда Бартенева узнал я, в конце 90-х годов, стоял перед нами как «обломок старых поколений» [1, с. 111].

Исключительная важность мемуарно-биографического очерка Брюсова для исследования жизненного пути и

творческого наследия издателя «Русского архива» состоит в следующем: по своему «типолого-видовому» характеру эта работа в первую очередь является мемуарной (напомним, она была издана в год смерти Бартенева), однако впоследствии обрела «фактический статус» научно-исторической работы, став одним из краеугольных камней весьма немногочисленной на сегодняшний день проблемной историографии, посвященной П. И. Бартеневу. Приводимые Брюсовым конкретные сведения, его оценки и характеристики, активно использовались советскими и современными российскими исследователями, во многом определив проблематику и концептуальное обличие их

работ, посвященных жизни и деятельности издателя «Русского архива».

Библиографические ссылки:

1. Ашукин Н. С., Щербаков Р. Л. Брюсов / Н. С. Ашукин, Р. Л. Щербаков. — М.: Молодая гвардия, 2006.
2. Брюсов В. Я. Обломок старых поколений / В. Я. Брюсов // Русская мысль. - М., 1912. №12. С. 108-118.
3. Зайцев А. Д. Петр Иванович Бартенев / А. Д. Зайцев. - М.: Московский рабочий, 1989.
4. Рабкина Н. Знаменитый издатель «Русского архива» / Н. Рабкина // Альманах bibliофила. - М. 1980. Вып. 8. С. 142-156.
5. Яшвили Н. Мой дедушка. Петр Иванович Бартенев / Н. Яшвили // Прометей. Ист.-библ. альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 7. М.: Молодая гвардия, 1969. С. 295-296.